

КАЗАК ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ

ХАБАРЛАРЫ

ИЗВЕСТИЯ

АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА • 1969

МАЗМҰНЫ

Мақалалар

Л. М. Славин. Мемлекеттік — монополистік капитализм және қазіргі заманның саяси қондырмасы (В. И. Лениннің туғанының 100 жылдығына)	1
Ц. Л. Фридман. Қазақстанда кредиттік системаның шығу тарихына	14
К. А. Акишев. Ежелгі үйсіндердің қыстау-мекендері мен тұрғын үйлері	29
А. Т. Қайдаров. Ежелгі және қазіргі заман ұйғырларының тіл жалғастығы мәселесіне	47

Фильм хабарлар

К. Мұханов. Анимизм шаманизмге дейінгі діни формалардың бірі.	60
А. С. Стамқұлов. Үй іргесіндегі жерді пайдалану заңдарының даму сатылары	65
С. Тұғанбаев. Бірінші бесжылдық жылдарындағы Қазақстандағы собхоз құрылысының кейбірі мәселелері	69
Г. М. Исхаков. Ш. Уәлиханов және ұйғыр этнографиясы	74
К. М. Бекеев. Жұмысшы мамандығын игерудің кейбір мәселелері	77
К. М. Бектаев, В. Г. Лобин. Тілдегі фонетикалық өзгерістердің себептерін анықтаудың статистикалық жолдары	81
Р. Абдулахатова. Қазақ фильмдерінде әйелдер образын жасау мәселесіне	88

Сын және библиография

Ю. А. Зувев. Қазақстан этнографиясы жөніндегі тың туынды	93
--	----

Хроника

Қажығали Жұмалиев

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Л. М. Славин. Государственно-монополистический капитализм и политическая надстройка современного капитализма (к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина)	1
Ц. Л. Фридман. Из истории возникновения кредитной системы в Казахстане (статья первая)	14
К. А. Акишев. Зимовки-поселения и жилища древних усуней	29
А. Т. Кайдаров. К проблеме языковой преемственности древних и современных уйгуров	47

Научные сообщения

К. Муканов. Анимизм — одна из религиозных форм до шаманизма	60
А. С. Стамкулов. Развитие законодательства, регулирующего приусадебное землепользование	65
С. Турғанбаев. Некоторые вопросы совхозного строительства в Казахстане в первой пятилетке (1928—1932 гг.)	69
Г. М. Исхаков. Чокан Валиханов и этнография уйгуров	74
К. М. Бекеев. О некоторых проблемах выбора рабочей профессии	77
К. Б. Бектаев, В. Г. Лобин. Статистические приемы описания причин фонетических изменений в языке	81
Р. Абдулахатова. К вопросу создания женских образов в казахских фильмах	88

Критика и библиография

Ю. А. Зувев. Новое в этнографии Казахстана	93
--	----

Хроника

Қажығали Джумалиев

Редактор *И. В. Антипов*. Худож. редактор *И. Д. Суших*.
Техн. редактор *Л. И. Шашкова*. Корректор *А. П. Маврина*.

Сдано в набор 20/І 1969 г. Подписано к печати 22/ІІ 1969 г. Формат 70×108^{1/16}.

Бумага № 2. Усл. печ. л. 8,22. Уч.-изд. л. 9.

Тираж 760. УГ02745. Цена 80 коп.

Типография издательства «Наука», г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.

Зак. 11.

центров и слабом развитии кредитных учреждений вынуждено было сбывать свою продукцию на сельских рынках сразу же после уборки почти за бесценок. Так, например, осенью 1905 г. цена за пуд пшеницы понизилась почти вдвое. Этим и пользовались всякого рода перекупщики и ростовщики.

Управляющий Оренбургским отделением Государственного банка в ответном письме военному губернатору Тургайской области по вопросу об открытии филиала банка в г. Кустанае вынужден был признать, что «низкие цены вконец разоряют население, отчего благосостояние его падает с каждым годом. Отсутствие кредита пагубно отражается и на скотоводстве, вынуждая население по тем же причинам и произведения этого промысла продавать на месте за бесценок, между тем как главное благосостояние коренного населения — киргиз — скотоводство, и по числу скота Кустанайский уезд занимает одно из первых мест во всей Оренбургской степи»³⁵.

Все это не помешало ему в конце сделать вывод, что «к открытию в г. Кустанае отделения Государственного банка пока нет никаких оснований».³⁶ Филиал Государственного банка здесь так и не был учрежден и в последующий период. Зато в годы предвоенного промышленного подъема довольно большие кредитные операции в Кустанае производились отделениями Русского торгово-промышленного и Сибирского торгового банков, а также I и II обществами взаимного кредита.

Таким образом, с начала XX в. ускорилось развитие капиталистических производственных отношений в казахской степи. Кредитная система становилась важным рычагом колониальной эксплуатации казахского народа, получения наивысших прибылей. Исследование ее структуры и механизма функционирования очень важно для понимания особенностей экономики дореволюционного Казахстана, степени развития и соотношения различных экономических укладов, условий существования и борьбы классов, своеобразия революционного процесса на колониальной периферии российского империализма.

Резюме

Мақалада Қазақстандағы кредиттік системаның шығу тарихының кейбір мәселелері қаралған.

К. А. АКИШЕВ

ЗИМОВКИ-ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ДРЕВНИХ УСУНЕЙ

Комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство определило полукочевой, полuosедлый образ жизни усуней. Насколько можно представить по имеющемуся в нашем распоряжении археологическому материалу, форма хозяйства и образ жизни были несколько отлич-

³⁵ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 1363, л. 5.

³⁶ Там же, л. 6.

ны у населения Восточного и Западного Семиречья. В Западном Семиречье оседлость была развита больше, чем в Восточном. Естественно, там возрастала роль земледелия в хозяйстве: большая оседлость способствовала разведению скота, требующего стойлового содержания.

В результате экономического различия в разных частях Семиречья появились свои типы жилых построек. В Западном Семиречье — укрепленные поселения, состоящие из жилых и хозяйственных строений, возведенных из сырцового или саманного кирпича. Такое поселение было частично раскопано А. Н. Бернштамом в Таласской долине (Луговое-холм), а за последние годы оставшаяся часть разрушенного поселения раскопана А. Абетековым в Чуйской долине. Но по результатам этих работ (ввиду малой площади раскопов) установить планировку и архитектуру западносемиреченских усуньских поселений не представляется возможным. Но не менее важен сам факт открытия, свидетельствующего о существовании оседлых поселений у древних усуней.

Сравнительно лучше известны и изучены поселения и жилища восточносемиреченских усуней. У последних скотоводство в хозяйстве играло большую роль, чем у их родичей из Западного Семиречья, поэтому возникли свои типы поселений и формы жилищ. Ныне к такому заключению мы приходим благодаря раскопам поселения Актас-2, расположенного в долине р. Кегень.

Актас-2 для территории Семиречья — новый тип памятника. Топография и утилитарная архитектура его не имеет аналогии среди современных ему памятников Средней Азии и Казахстана, поэтому мы считаем возможным ввести в археологическую терминологию Казахстана новое наименование: «зимовка-поселение». Представляется, что термин «зимовка-поселение» в отличие от существующих старых терминов «зимовка» и «поселение», связываемых с кочевым и оседлым образом жизни, с кочевнической и земледельческой культурами, наиболее точно отражает полукочевой, полуседлый быт населения Восточного Семиречья в первой половине 1 тысячелетия н. э.

Древнеусуньские зимовки-поселения в Восточном Семиречье впервые были открыты нами при обследовании высокогорной долины р. Кегень, в южных предгорьях хребта Кетменьтау. Этот высокогорный регион поистине является жемчужиной Семиречья. Умеренный прохладный климат, альпийские луга с буйным разнотравьем, обилие воды в стремительных горных реках и студеном родниках, горные склоны, заросшие вечнозеленой тяньшанской елью и полное отсутствие кровососущих насекомых делают его с глубокой древности излюбленным краем обитания человека. Многочисленные археологические памятники, расположенные здесь, являются ярким подтверждением заселенности.

Только в южных предгорьях Кетменьтау, ограниченных с юга правым берегом р. Кегень, нами были открыты и нанесены на карту десятки больших и малых могильников, насчитывающих тысячи курганов и оградок, 19 зимовок-поселений, сотни наскальных писаниц, менгиры.

В продолжение 1962—1964 гг. раскапывалась зимовка-поселение Актас-2. Оно находится в группе из четырех аналогичных памятников, расположенных в ущелье Курайлы по берегам одноименной горной речки. В 1961 г. во время разведывательного маршрута были открыты зимовки-поселения Актас 1, 2, 3. Все они расположены в глубине названного ущелья в непосредственной близости друг от друга. Первые

два на расстоянии 30 м один от другого на правом берегу речки, а третья на левом в 200 м вниз по течению.

В 1962 г. были обнаружены остальные две зимовки-поселения. Актас-4 находится на правом берегу р. Курайлы, в 0,5 км ниже поселения Актас-3, у входа из ущелья Курайлы в небольшое боковое ответвление, а Актас-5 — на мысу возвышенной площадки, образуемой правым берегом р. Курайлы и впадающим в нее ручьем, примерно в 0,5 км на юго-восток от Актаса-4.

Местонахождение зимовок-поселений отмечено рядом внешних признаков — группами ям и западин, округлых и прямоугольных в плане, скоплениями камней, сильно задернованных и заросших густой растительностью. Размеры впадин 6—8 м в диаметре и глубиной 0,5—0,7 м. На территории поселений, особенно в выбросах нор грызунов, встречаются мелкие обломки глиняных сосудов, аналогичных по формам, тесту и обжигу усуньской посуде, обнаруженной при раскопке семиреченских могильников этого времени.

Позднее при раскопке выяснилось, что упомянутые ямы и западины, прослеживаемые на уровне современной поверхности, никакого отношения к древнеусуньскому культурному слою не имели, а были остатками казахских зимовок XVIII—XIX — начала XX в. Эти слои хорошо датируются находками китайских монет династии Цин¹ и фрагментами фаянсовых пиал со штампом в прошлом известной фабрики братьев Кузнецовых.

Зимовка-поселение Актас-2 занимает территорию площадью 3200 м², вытянутую с северо-запада на юго-восток на 80 м, а с востока на запад на 40 м. Вскрыта площадь в 1200 м². Для раскопки применена следующая методика. Вся площадь его разбита на 32 квадрата размером 10×10 м. В свою очередь большие квадраты (А₁, В₁ и т. д.) разделены на малые, размером 2×2 м. Таким образом, в каждом большом квадрате 25 малых (А₁—1, 2, 3, . . . , 25; В₁—1, 2, 3, . . . , 25 и т. д.). Дневниковая и графическая фиксация находок велась послойно по малым квадратам.

Ввиду того что древнеусуньские зимовки-поселения в практике археологических раскопок — новый тип памятников, нами до закладки больших раскопов были заложены две пересекающиеся траншеи по направлению север — юг и запад — восток с целью установления центральной наиболее обжитой части зимовки-поселения и определения его границ. Ширина траншеи 1 м.

При раскопке траншеи, начиная с первых же слоев, встречались кости животных, обломки глиняных сосудов, следы кострищ, отрезки каменных выкладок. Находки участились по мере углубления раскопов. Среди них нередко фрагменты фаянсовых пиал, причем они попадались на разных глубинах, что вполне объяснимо, так как в многослойных поселениях в результате рытья хозяйственных ям, всякого рода строительных работ культурные остатки нижних слоев оказываются извлеченными наверх, а более поздние попадают вниз.

На всей площади зимовки-поселения траншеями выявлены четыре слоя. Слой I — дерновый, толщиной до 0,3 м, в нем прослеживаются верхние ряды каменных выкладок округлых и четырехугольных форм, обрамляющих западины таких же форм. Всего на площади Актас-2 таких западин 15.

Слой II — темно-коричневый суглинок, толщиной 0,4 м, насыщенный культурными остатками XVIII — начала XIX в.: фрагмента-

¹ Определение монет произведено О. И. Смирновой при любезном содействии С. С. Сорокина. Считаю приятным долгом выразить им свою признательность.

ми фаянсовых пиал, обломками чугунных котлов, костями животных. В значительном количестве встречаются черепки глиняных сосудов древнеусуньских форм. Чтобы больше не возвращаться к находкам из этого слоя, мы вынуждены несколько нарушить описание последовательности хода раскопок. Большие раскопы, поставленные после окончания работ на траншеях в разных частях площади, занимаемой зимовкой-поселением, установили, что слою II соответствуют два типа сооружений. Первый из них — округлые ямы диаметром 6 м, глубиной 0,8 м со входом, обращенным на восток. Пол слегка понижается в середине, где здесь же расположено кострище — остатки очага. Второй тип — округлые ограды, выложенные из крупных глыб дикого камня, со входами, обращенными на восток, иногда на юг. Диаметр их 5—7 м, высота 0,5—0,7 м, ширина входа 0,8 м.

Перечисленные выше находки из этого слоя свидетельствуют, что оба типа сооружений относятся к XIX — началу XX в. и являются остатками казахского зимника. Из этнографии нового времени известно, что казахи-кочевники с наступлением холодов утепляли юрты, покрывая их двойным рядом кошмы и обкладывая низ дерном или камнями. Раскопанные нами сооружения и являются местами зимних стоянок юрт. Возможно, что некоторые глубокие западины (до 1,2 м) являются остатками землянок.

Слой III — светло-коричневый суглинок толщиной 0,4—0,5 м. Остатки строительных конструкций этого горизонта выявились на глубине 0,6—0,7 м. По этим остаткам удалось проследить форму сооружения лишь в северо-западной стороне площади, занимаемой зимовкой-поселением. На остальной площади встречались отдельные камни, группы камней и каменные завалы, по которым не представляется возможным восстановить бывшее сооружение. Конструкции этого слоя сильно нарушены, а в большинстве случаев полностью разрушены поздними постройками. В отдельных случаях землянки верхнего строительного горизонта (слой II) прорезали культурный слой III на глубину до 0,3—0,4 м. В северо-восточной части площади раскопа на каменном завале, относящемся к этому слою, были обнаружены две китайские монеты, датируемые периодом правления династии Цин (1737—1797 гг.). Кстати, в этой же части раскопа и раньше была найдена такая же монета (слой I). Четвертая же монета найдена здесь же, но уже на глубине 0,7 м. Однако было бы ошибкой слой III датировать по этим монетам. Они никакого отношения к нему не имеют и вот по какой причине.

Еще до раскопок на Актасе-2 тот участок, на котором были найдены все 4 монеты, занимала большая овальной формы западина глубиной 0,9 м, являющаяся остатком землянки XVIII — начала XIX в. Концентрация всех монетных находок на ограниченном участке, занимаемом землянкой, и полное отсутствие находок монет на всей остальной площади бесспорно свидетельствуют о том, что монеты относятся к слою II. Нахождение монет на разных глубинах может быть объяснено значительной глубиной землянки, которая, как установили раскопки, была свыше 1 м.

От строения, расположенного, как уже отмечалось, в северо-западной части зимовки-поселения, сохранились полностью одна западная стена и частично северная и южная стены, примыкающие к западной. По этим остаткам смежных стен можно определить, что помещение было четырехугольной формы с поперечной (западной) стеной длиной 12—13 м по наружному обмеру и 9,5—10 м по внешнему. Длинные продольные стены сохранились частично (у северной — отре-

зок в 7 м, у южной — в 8 м), поэтому общая длина их остается неизвестной, значит, неопределимы и размеры всей постройки. Но все же по некоторым данным можно предполагать, что длина продольных стен была не менее 17—18 м. По-видимому, угловым отрезком северной стены является небольшой отрезок кладки, сохранившийся с северной стороны.

Если наше предположение верно, то по остаткам стен и по сохранившимся отрезкам кладки можно восстановить первоначальную форму и размеры помещения. Оно имело подпрямоугольную форму и было вытянуто с северо-запада на юго-восток. Каждая из стен состояла из двух параллельно идущих каменных кладок, отстоящих друг от друга на расстоянии 1—1,5 м. Промежутки между кладками заполнялись щебнем вперемежку с камнями, таким образом, составляя монолитную стену толщиной 1,5—2 м. Предполагаемые размеры помещения: по внешнему обмеру — 12—13×17—18 м, по внутреннему — 10—11×15—16 м.

По нашему мнению, помещение было жилищем. Массивные стены разумнее было возводить для утепления здания, предназначенного под зимнее жилье, но не для построек хозяйственного и подсобного назначения. Кроме того, на полу помещения в его средней части обнаружены остатки очага, в предполагаемом юго-восточном углу — зернотерка, а северо-западнее — раздавленный сосуд. Приведенные факты, как мы считаем, доказывают верность нашего определения о назначении помещения этого слоя.

Вне помещения, но на уровне его пола, обнаружены кострища, остатки очагов, иногда обложенные камнем, раздавленный сосуд и захоронение человека. Захоронение находилось в 3,5 м на юг от южной стены помещения. Костяк лежал на дневной поверхности на уровне пола помещения, на спине, в вытянутом положении, головой на запад, сверху был завален камнями. Около скелета найдены черепки глиняного сосуда и кучка раковин улиток. Интересно отметить, что погребение с кучкой таких же раковин было раскопано в могильнике Актасы-1, в кургане 3, расположенном недалеко от зимовки-поселения. Захоронение было совершено в то время, когда строения слоя III были уже заброшены, но стены их еще не успели основательно разрушиться.

Погребальный обряд, обычай помещать в могильную яму раковины улиток и близость черепков сосуда, найденных рядом с костяком, с фрагментами керамики, обнаруженными в культурном слое III, свидетельствуют, что погребенный не чужеземец, а был аборигеном, принадлежащим к древнеусуньским родам, обитавшим в предгорьях, где располагались зимовки-поселения.

В многослойных поселениях, как мы уже отмечали, неизбежно смешивание культурных остатков различных слоев, поэтому необходимо учитывать возможность переотложности тех или иных находок при привлечении их для датировки. Наиболее вероятная дата может быть получена по находкам, обнаруженным на полах помещений соответствующего строительного горизонта или вне стен самих помещений, но на уровне их полов.

Если исходить из этого безусловно верного критерия датировки, то для определения хронологических рамок жизни зимовки-поселения Актас периода слоя III могут быть привлечены два раздавленных, но археологически целых сосуда, остатки от третьего и некоторое количество более мелких и разрозненных фрагментов глиняной посуды, найденных на уровне пола и на самом полу помещения.

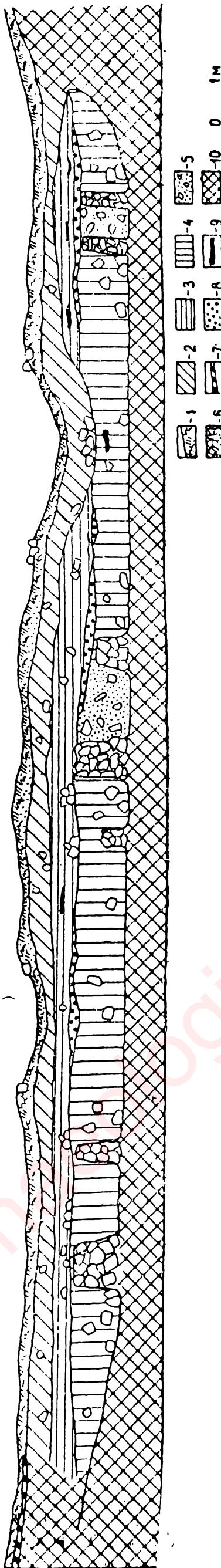

Рис. 1. Стратиграфический разрез зимовки-поселения Актас-2. 1 — дерновый слой; 2 — слой II; 3 — слой III; 4 — слой IV; 5 — забутовка; 6 — камень; 7 — место стоянки скота; 8 — стерильный слой; 9 — кострище; 10 — коренная порода.

Первый сосуд — чашка высотой 6 см и диаметром венчика и тулова 22 см. Стенки тулова по отношению к днищу отвесные (прямые), венчик не профилирован, закраина его закругленная, дно уплощенное. Ниже закраины венчика вокруг всего тулова расположены округлые сквозные дырочки (диаметром 8 мм) в один ряд. Стенки чаши утолщаются по мере перехода к днищу. По форме, размерам и приему изготовления миска ничем не отличается от чаш, находимых в усуньских захоронениях Казахстана, Киргизии и Ферганы. В этих регионах сосуды типа чаш бытуют начиная с позднебакского времени до тюркского (чаши, относящиеся к более поздним эпохам, иной фактуры и техники изготовления), поэтому в лучшем случае по актаской чаше можно установить принадлежность слоя III к культуре вообще (в данном случае к сако-усуньской), но нельзя определить, к какому конкретному этапу развития этой культуры можно отнести строительные конструкции и вещественные находки из этого слоя. Но в данной ситуации важна более узкая датировка.

На чаше, как уже известно, имелся «орнамент» в виде сквозных отверстий. Обратимся к нему, возможно, найденные аналоги помогут решить вопрос о датировке. Слово «орнамент» мы берем в кавычки по той причине, что сквозные отверстия вокруг венчика служили не украшением сосуда, а имели конкретно определенное назначение как вентиляционные продушины при хранении продуктов в закрытых сосудах.

На зимовке-поселении Актас сквозные отверстия на венчике и ниже горловины встречаются только на сосудах хозяйственного назначения.

Сосуды с «дырчатым» орнаментом за всю практику раскопок древнеусуньских памятников во всех районах их распространения встречены на Актасе-2, причем не только в слое III, но и, как узнаем ниже, в нижнем, IV слое. Они имеются и среди подъемного материала с зимовки-поселения Актас-6. По-видимому, следует ожидать, что они будут характерны для культуры усуньских поселений Кегеньской долины вообще, а возможно, и всего Семиречья. Последнее могут подтвердить лишь раскопки.

Весьма затруднительны поиски аналогии в хорошо датированных памятниках близлежащих и дальних территорий. Часто находимые в подбойно-катакомбных могильниках Средней Азии так называемые курильницы, имеющие сквозные отверстия по всему тулову, ввиду специфичности их назначения служить аналогами актасским, очевидно, не могут.

По технике нанесения и расположения орнамента в названной выше зоне тулова в некоторой степени близки нашим сосуды тюркского (кимакского) времени из среднего Прииртышья² и некоторые сарматские горшки из Западного Казахстана и Нижнего Поволжья³. Но на них действительно имеется орнаментальный мотив вместе с другими узорами, составляющий единую композицию. Нанесен он — так же как и на актасских сосудах — концом круглой палочки по сырому тулову с той лишь разницей, что на наших палочкой протыкалась стенка тулова насквозь, а на тех, на внешней поверхности тулова, делался ряд ямок цилиндрической формы. Если это делалось с внутренней стороны сосуда, тогда на внешней поверхности тулова образовывались округлые бугорки, так называемые «жемчужины». Поэтому эти сарматские и кимакские сосуды едва ли могут быть привлечены в качестве аналогии актасским, значит, и для датировки последних, тем более, что хронологические рамки их бытования в одноименных культурах определены в пределах III—I вв. до н. э. и VII—IX вв. н. э.

Ближайшие аналогии актасскому «дырчатому» орнаменту находятся среди древностей кайрак-кумов, точнее, среди находок, относимых В. А. Литвинским к третьему хронологическому этапу или раннежелезному веку⁴. Здесь среди фрагментов керамики, собранных в пунктах № 40, 42, встречены археологически целый горшок (пункт № 40) и несколько черепков от других сосудов со сквозными проколами по венчику вокруг него, совершенно тождественных по орнаменту с находками в слое III зимовки-поселения Актас-2.

Аналогии для актасской керамики слоя III и нижнего слоя IV мы находим только в кайрак-кумских поселениях и стойбищах позднего этапа. К более детальному сравнению усуньской и кайрак-кумской керамики мы вернемся позже. Здесь же укажем на удивительно близкое сходство форм сосудов и их ручек, профилей, венчиков и донца, качества теста и обжига.

К сожалению, на многих поселениях и пунктах находок, особенно относимых к позднему этапу, материалы, по нашему мнению, находились в переотложном состоянии, поэтому среди керамики, собранной в одном пункте, встречаются фрагменты сосудов разных эпох, начиная с эпохи бронзы до предтюркского времени. Отсюда ясно, что в связи с сугубо предварительным определением даты кайрак-кумских памятников типа пунктов № 40 и 42 керамические находки в них при всей близости их с актасскими не проясняют вопроса о датировке слоя III зимовки-поселения. Напротив, как мы надеемся, датировка нашего памятника уточнит хронологию ряда кайрак-кумских поселений и стойбищ.

Определенное значение для датировки слоя III представляют

² Ф. Х. Арсланова. Памятник Павлодарского Прииртышья. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, табл., рис. 121—123, 127, 128, 134.

³ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, ДІ—10. М., 1963, табл. 6 (12, 35, табл. 7/18; табл. 13/5).

⁴ В. А. Литвинский, А. Н. Окладников, В. А. Ранов. Древности кайрак-кумов. Душанбе, 1962, стр. 131—132, 243, 394, табл. 106/3.

Поселение „Актас-2“

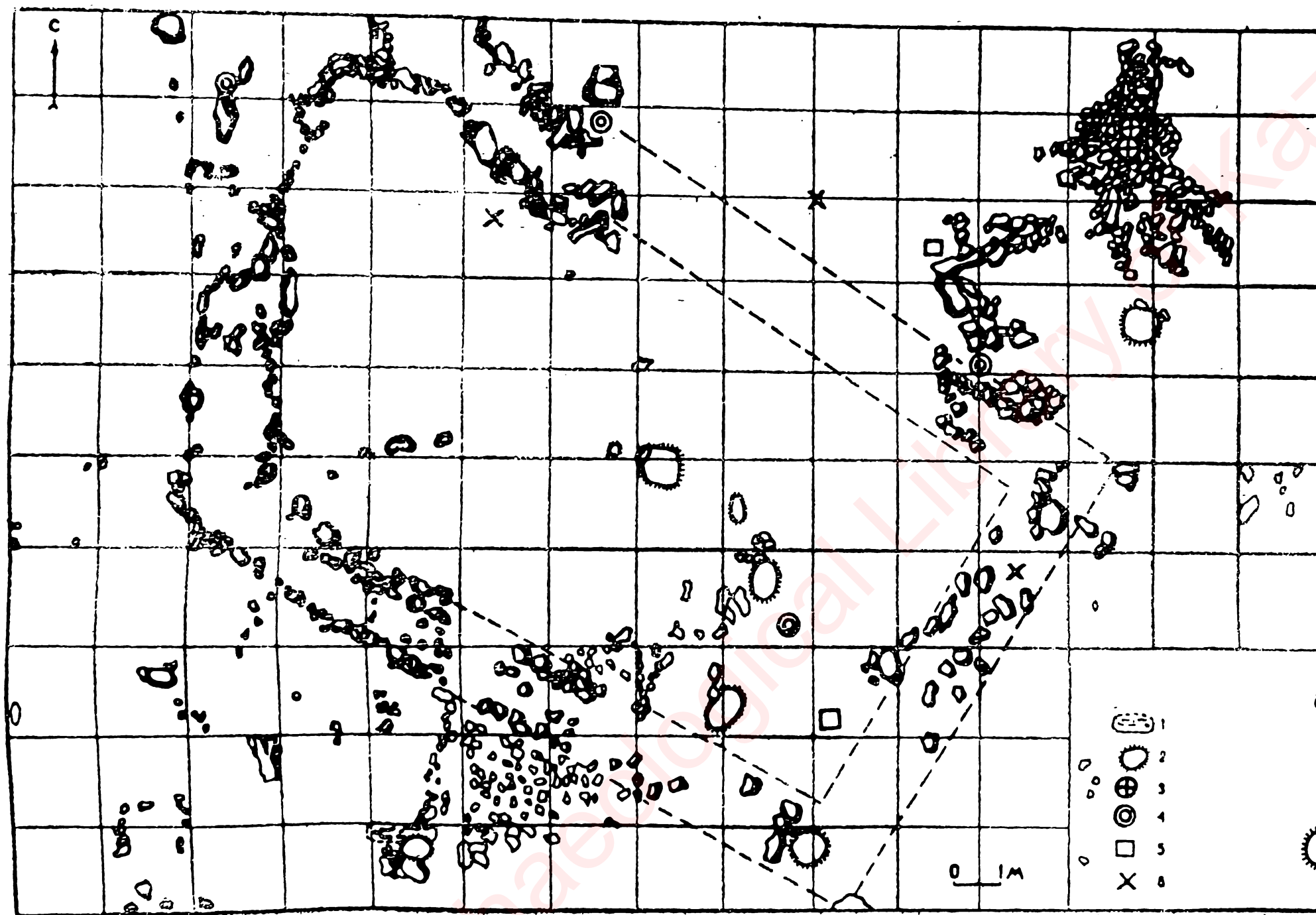

Рис. 2. Слой III, остатки каменных стен построек. 1 — погребение, 2 — очаг, 3 — монета, 4 — глиняный сосуд, 5 — зернотерка, 6 — остатки дерева.

ручки керамических сосудов. По разновидности ручки подразделяются на три типа.

Тип А — ручки-налепы в виде выступа округло-цилиндрической формы, длина выступа 3—4 см, встречаются исключительно на сосудах небольшой емкости горшковидной формы и котелках, располагаются на тулове с одной или с двух противоположных сторон. Сосуды с ручками такого типа нередко встречаются в сопровождающем инвентаре в усуньских захоронениях Семиречья.

Тип Б — вертикальные, петлевидные ручки (кольцевидные), округлые в сечении с диаметром отверстия 1—2 см, встречаются преимущественно на сосудах с одного или с двух противоположных боков тулова. На тулове ручки расположены иногда на середине, чаще выше ее, изредка на шейке сосуда. Встречены три фрагмента от сосудов с вертикальными профилированными ручками в виде большой петли, в сечении уплощенные, округлые снаружи и прямые с внутренней стороны. По найденным фрагментам установить место расположения ручек на тулове не представляется возможным.

Тип В — горизонтальные налепные ручки двух разновидностей. Первая в виде «ушка» — лопастей размером 5—6×1,5—2 см; встречен фрагмент с двойным, один над другим расположенным «ушком». Вторая — ручки в виде длинных, но узких выступающих полос длиной до 10—12 см, шириной 1,5—2,5 см. На двух ручках на закраине имеется орнамент в виде ряда крестовин и поперечных косых полосок. Ручки этого типа встречаются исключительно на котлах большой емкости и располагаются на тулове в 2—4 см ниже закраины венчика.

По данным изучения керамической посуды сако-усуньской культуры устанавливается, что сосуды различного функционального назначения изготавливались с разного типа ручками, но при этом всегда преследовалась одна цель — удобство использования тех или иных форм сосудов в быту. Сама идея изобретения посуды, так же как и появление на них ручек, зародилась исключительно из утилитарных нужд бытия. Археологические материалы повествуют, что на территории Казахстана (по данным наших знаний на сегодняшний день) сосуды с ручками впервые появляются в конце эпохи бронзы, а широкое распространение получают в следующую, указанную выше эпоху. Находка из могильника Бегазы — пока единственно известный сосуд с ручкой ранней эпохи⁵. Это большой котелок (судя по найденному фрагменту) с вертикально расположенной уплощенной ручкой-налепом с отверстием. Ручка предназначалась для переноски и подвешивания котелка над огнем.

Таким образом, на керамической посуде ручки типа А встречаются исключительно на сосудах различной горшковидной формы и на котелках небольших емкостей, а типа Б — преимущественно на горшках и кружках и, наконец, ручки типа В — исключительно на котлах большой вместимости.

Намечается такая эволюция развития форм ручек. Наиболее ранние типы — это налепы-выступы округло-конической формы и вертикальные налепы с отверстиями. Из этих двух форм ручек развились все остальные разновидности форм ручек на посуде, существовавших во все поздние эпохи. Рациональное усовершенствование вертикальных налепов с отверстием привело к появлению кольцевидных (петлевидных) ручек на кружках и мелких горшках, а затем ручек в виде

⁵ А. Х. Маргулан, Л. Р. Кызласов. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИМК, XXXII, 1950 стр. 126—136; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 155, рис. 16/1.

большой петли на горшках и профилированных массивных ручек на кувшинах больших размеров. В свою очередь прототипом ручек на котлах в виде «ушка» послужили наклепные ручки-выступы ранних типов.

Начиная с раннесакского периода ручки на сосудах всех форм, кроме утилитарного назначения, выполняли и другие функции, такие,

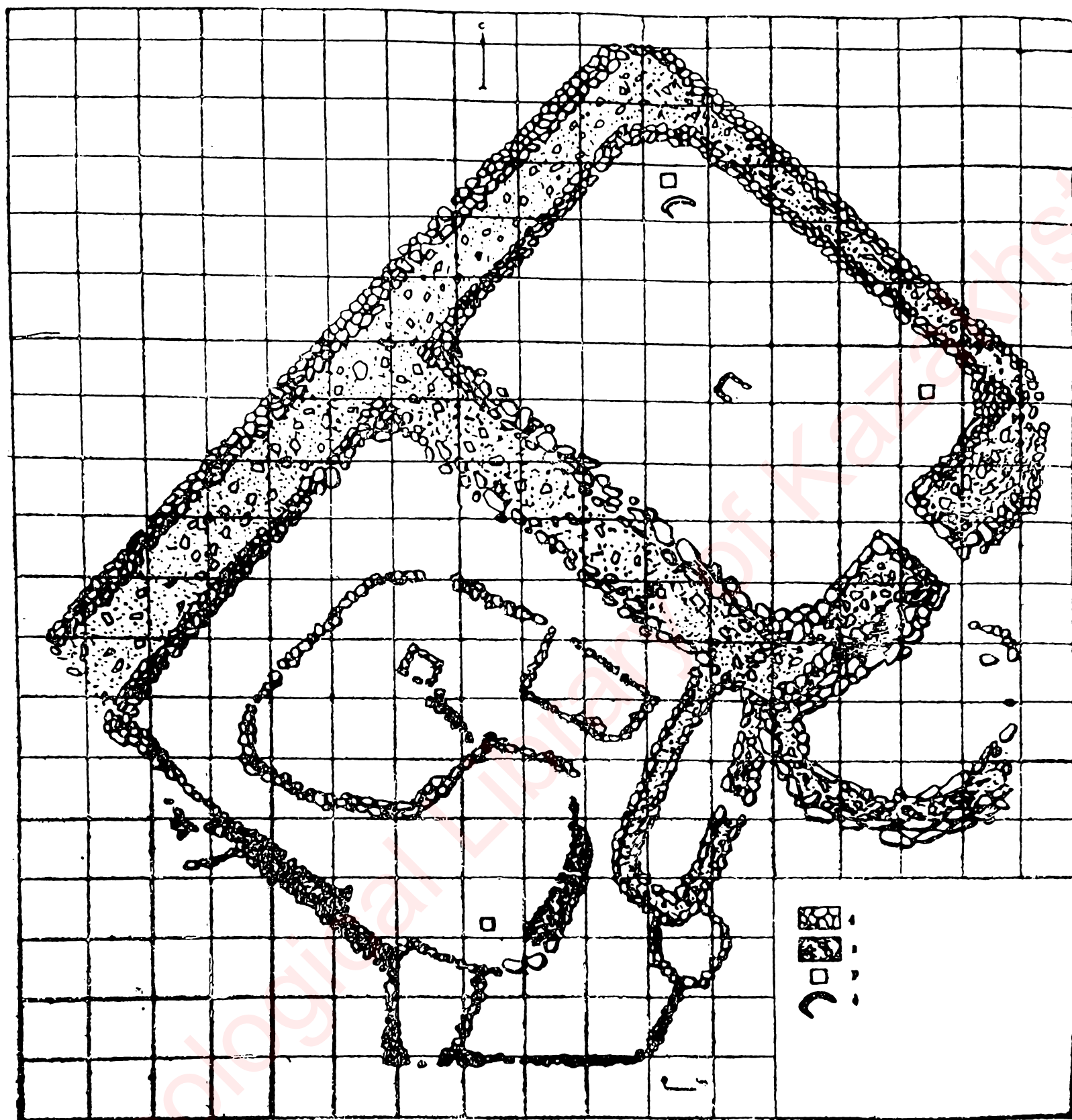

Рис. 3. Слой IV, остатки жилых и хозяйственных строений. 1 — каменная стена, 2 — забутовка, 3 — зернотерка, 4 — серп.

как художественное украшение сосуда, иногда им отводилась религиозно-магическая роль.

Ручки двух первых типов встречаются на глиняной посуде, начиная с V—IV вв. до н. э.⁶ и в последующие века получают повсеместное распространение на всей территории Южного Казахстана и Киргизии. Поэтому датировка по ним слоя III может быть намечена, как лежащая в пределах широкой хронологической рамки, охватывающей примерно пятьсот-шестьсот лет. Уточняется лишь нижняя граница этой хронологии, ограниченная V—IV вв., а верхняя граница может

⁶ К. А. Акишев. Культура саков долины реки Или, стр. 103, рис. 82/10.

быть определена как не выходящая за пределы VI—VIII вв. н. э., так как ранние формы ручек, особенно примитивные налелы-выступы, не встречаются среди находок, относящихся к более позднему периоду.

По этой же причине не могут внести какую-либо конкретность в датировку слоя ручки третьего типа. Верхняя хронологическая граница их бытования, судя по находкам в соответствующих слоях городов Казахстана и Киргизии, может быть растянута до XI—XII вв.⁷ Однако период позднего средневековья должен быть исключен из хронологических рамок предполагаемой датировки по той причине, что ручки третьего типа встречены в слое III вместе с ручками других типов, не встречающихся при раскопке памятников более поздних периодов, чем VI—VIII вв.

Таким образом, слой III зимовки-поселения Актас-2 по сосудам, с приведенными выше типами ручек может быть датирован лишь в пределах V в. до н. э.—VI—VIII вв. Но учитывая общепринятый в археологии принцип датировки памятников по вещам более позднего происхождения (когда в комплексе встречаются разновременные предметы, ибо ранние предметы могут попадаться среди находок поздних периодов как реликты), мы склонны сузить датировку, исключив из нее первые века до н. э. Тогда возможное время жизни зимовки-поселения периода слоя III определяется в пределах I—VIII вв. н. э.

Однако рассмотрим другие находки из этого же слоя, дающие возможность для дальнейшего уточнения датировки. Такими находками являются два кинжала. Они найдены не в самом нижнем горизонте, где находились остатки строительных конструкций, а в толще этого культурного слоя, поэтому могут быть привлечены для определения более точной даты слоя III в рамках установленной широкой хронологии.

Кинжал железный, двулезвийный, штыревой, общая длина 28 см, ширина в средней части 4 см, сохранившаяся длина черенка (штыря) 4 см. Узкий штырь от клинка отделен плечиками, сечение клинка почти плоское, с некоторым утолщением к продольной оси.

Второй кинжал также железный, двулезвийный и штыревой. Сохранившаяся длина его 13,5 см, верхняя часть штыря отломана. Клинок плоский в сечении, короткий, возможно, некогда был частично обломан, а затем оставшаяся часть заново заострена и отточена. Верхняя часть клинка при переходе в штырь образует плечики.

Актасские штыревые кинжалы относятся к тому времени, когда на территории не только Семиречья, но всего Казахстана, Средней Азии и Нижнего Поволжья произошли значительные изменения в вооружении, в частности в формах кинжалов. Это время для Казахстана падает на позднеусуньский, для Средней Азии на предтюркский и для Нижнего Поволжья на позднесарматский периоды.

Приводимые ниже аналогии нашим кинжалам из твердо датированных памятников указанных регионов служат доказательством сказанному и одновременно определяют датировку слоя III Актас-2.

В Западном Семиречье штыревые кинжалы найдены в подкурган-

⁷ К. М. Байпаков. Средневековые города и поселения Семиречья, стр. 13—16; П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 25, табл. 1; е г о ж е. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 151, табл. II; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, стр. 192; М. А. Бубнова. Средневековое поселение Актобе I у с. Орловки. Сб. Археологические памятники Таласской долины, стр. 138, рис. 9, стр. 142, рис. 13.

ных погребениях и могильниках Кенкол и Терскол в Таласской долине, датируемые соответственно I—V и VI—X вв.⁸

Несколько кинжалов, аналогичных актасским, известны из района среднего течения реки Сыр-Дарьи, входящего в округ древнего Шаша. Один из них происходит из захоронения на поселении Актобе-2 и в комплексе с другими находками датируется IV — рубежом IV—V вв. н. э.⁹ Остальные найдены в Шаушукумском курганном могильнике в погребениях, относящихся к III—V вв. н. э.¹⁰

В самом Шаше штыревые, но однолезвийные кинжалы обнаружены в катакомбных погребениях у ст. Вревская, датируемые I половиной I тысячелетия н. э.¹¹, а также в катакомбах этого же времени, раскопанных на трассе Ташкентского канала¹².

Находки таких кинжалов известны дальше на юг от Шаша, в Южной Фергане. Здесь в подбойно-катакомбных захоронениях Боркорбазского могильника были найдены 2 штыревых кинжала и 8 штыревых ножа¹³. С. С. Сорокин все раскопанные курганы могильника относит к III—V вв. н. э.¹⁴

Железные штыревые кинжалы — нередкие находки в позднесарматских курганах Нижнего Поволжья. Они представляют для нас особый интерес, так как хронология памятников этого периода здесь разработана значительно лучше, чем синхронные памятники Казахстана и Средней Азии. Последние до сих пор датируются преимущественно по аналогии с сарматскими. Но, по-видимому, в будущем среднеазиатские и казахстанские древности будут на несколько веков удревнены по сравнению с нижнеповолжскими.

В Нижнем Поволжье аналогичные актасские кинжалы известны из захоронений у сел Кано и Покровск¹⁵, относящихся к позднесарматскому времени. Серия подобных кинжалов была обнаружена при раскопке курганов у с. Политотдельское и в Калиновском могильнике. Погребения под этими курганами, где находились штыревые кинжалы и мечи, датируются К. Ф. Смирновым (курганы у с. Политотдельское) II—V вв. н. э.¹⁶, а В. П. Шиловым (Калиновский могильник) — II—IV вв. н. э.¹⁷

Таким образом, перечисленные факты находок доказывают, что на всей территории распространения штыревые железные кинжалы бытуют во II—V вв. н. э. Аналогичные им актасские кинжалы, очевидно, относятся к этому же времени, что, в свою очередь, дает воз-

⁸ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины», стр. 38, рис. 4/3; Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. Там же, стр. 81, рис. 2.

⁹ В. И. Вайнберг. Поселение Актобе-2. В кн.: А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 76, рис. 32/16.

¹⁰ А. Г. Максимова. Шаушукумский могильник. Там же, стр. 230, табл. XXV.

¹¹ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле ст. Вревская в 1947 г. «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. 1, 1951, стр. 57, 61.

¹² А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Известия АН УзССР», вып. 9, 1940, стр. 30—36.

¹³ С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник. «Труды Гос. Эрмитажа», т. V. Л., 1961, стр. 121, табл. II: стр. 136—137, табл. XIV—XV.

¹⁴ Там же, стр. 155.

¹⁵ Т. М. Минаева. Погребение с сожжением близ с. Покровска. «Ученые записки Саратовского госуниверситета», вып. 3. Саратов, 1927, стр. 109, 115—116.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60. М., 1959, стр. 273, рис. 26/5; 321.

¹⁷ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60. М., стр. 493, рис. 60/2—4; стр. 490.

возможность найти в упомянутой выше широкой хронологии время существования актасского слоя III в целом. По датировке кинжалов этим временем должны быть II—V вв. н. э. Но учитывая находки в слое фрагментов с ручками поздних типов (тип В), распространенных в тюркское время, мы датировем слой III зимовки-поселения Актас-2 IV—VI вв. н. э.

Слой IV — светло-желтоватый суглинок с щебнем толщиной 1—1,2 м. Остатки строительных конструкций начали выявляться на глубине 1,3—1,5 м от уровня дневной поверхности. Разница в глубинах залегания третьего и четвертого строительных горизонтов объясняется тем, что между ними находилась «стерильная» прослойка, образовавшаяся после запустения, частичного разрушения построек нижнего горизонта и занесения их аллювием, принесенным талыми водами со склона горы, впритык к которому были пристроены стены построек этого слоя. По-видимому, для заполнения пустот разрушенных сооружений и выравнивания наносами площади, занимаемой поселением, потребовалось, по меньшей мере, несколько десятков, а возможно, и сотня лет.

Прослойка прослеживается не по всей площади, а отдельными участками; вероятно, она местами была разрушена верхними строениями. Но уже само наличие вышележающих построек свидетельствует о том, что площадка для них сnivelирована строителями IV—VI вв., или она была разровнена в результате естественного разрушения и намывов. Мы считаем, что после запустения построек нижнего горизонта произошла естественная нивелировка, продолжавшаяся не один десяток лет.

Поэтому сама четко прослеживаемая последовательность расположения строительных горизонтов свидетельствует о том, что нижний слой относится ко времени более раннему, чем IV—VI вв. н. э.

Остатки строений нижнего слоя располагаются в северной части зимовки-поселения и занимают площадь 900 м². Сохранность конструкций достаточно хороша, чтобы по ним проследить планировку строений, их архитектуру и строительные особенности. Весь комплекс сооружений состоит из пяти жилых помещений и подсобных построек, взаимно примыкающих друг к другу. Стены всех жилых зданий сложены весьма тщательно из необработанного, но отборного камня, годного для подгонки друг к другу при возведении и для получения ровной плоскости стен, при этом особое внимание направлялось на качество поверхности стен, обращенных внутрь. В жилых помещениях первый (нижний) ряд кладки стен возведен из каменных плит более крупного размера, чем вышележащие ряды. Кладка стен произведена на глиняном растворе, в глине большая примесь каменной крошки. Сохранившаяся высота стен от 0,8 до 1,5 м.

Помещение 1, названное нами «Большим домом», является крайним северным. Большой дом — это прямоугольной формы здание с жилой площадью в 126 м². Все четыре стены его двойные, массивные. Техника сооружения стен довольно оригинальна: на расстоянии 1,5 м от внутренних стен возведены параллельно к ним внешние (вторые) стены, а пространство между ними забутовано глиной, щебнем. Таким образом, получилась одна массивная стена, как бы облицованная с обеих сторон каменными плитами. Общая толщина стены 2—2,5 м. Размеры стен: северной и южной (по внутреннему обмеру) по 14 м, западной и восточной 9 м. На середине восточной стены сооружен коридорообразный вход размером 3×1 м. Стенки коридора сложены из

хорошо подогнанных одна к другой крупных каменных блоков, возможно, оттесанных.

Внутри помещения в средней части пола имеется очаг, сложенный из плоских каменных плиток, размеры его $0,9 \times 0,9$ м. Очаг на $0,5$ м приподнят над уровнем пола. Пол помещения земляной, с большой примесью древесной золы, утопанный, в некоторых местах сохранились слегка лоснящиеся участки.

В Большом доме на полу обнаружены две зернотерки: одна — в северо-восточном углу помещения, другая — в северо-западном. Около второй зернотерки лежал обломок бронзового серпа. На полу возле самого прохода обнаружено погребение человека.

Костяк лежал в странной позе, на левом боку, но тазовые кости в горизонтальном положении, кости правой руки сильно согнуты в локтевом суставе и лежат на груди. Кости ног полусогнуты в коленном суставе. Погребенный лежал головой на юго-восток; под голову была подложена каменная плитка.

Непосредственно к южной стене «Большого дома» примыкает обширный двор, обнесенный с трех сторон массивными двойными стенами, размеры его: длина 15 м, ширина 10 м. Северной стеной двора является южная стена Большого дома, а западная — продолжением западной стены последнего. Двойные южные стены двора сильно деформированы, конструкция параллельных стен полностью сохранилась лишь в юго-восточном углу.

Помещение 2, так называемая квадратная комната, находится в центре двора, но несколько ближе к его северной стене. Оно подчетырехугольной формы, размеры стен: северной и южной 6 м, а западной и восточной $7-7,5$ м. В восточной, обращенной к реке, имеется вход, к нему пристроены стены коридора. Длина коридора 4 м, ширина $1,5$ м. Стены комнаты и коридора одинарные, кладка двухслойная из каменных плит, плотно подогнанных друг к другу; толщина их $0,5$ м, сохранившаяся высота $1-1,5$ м.

В помещении на середине пола находится очаг квадратной формы, выложенный по краям плоскими квадратными плитками камня в один слой. Размеры его $1,1 \times 1,1$ м. Очаг заполнен золой и древесным углем.

Хозяйственное помещение 1 пристроено к углу квадратной комнаты, который образован северной стеной коридора и северной половиной восточной стены самого помещения 2. Это прямоугольная постройка размером $3,5 \times 2$ м с узким входом в его северо-западном углу.

Помещение 3 также подквадратной формы. Его стенами являются угловые отрезки восточной и южной стен большого двора и южная стена коридора и южная половина восточной стены квадратной комнаты. Помещение имеет вход в коридор квадратной комнаты и сквозным путем соединяется с двором, так как отсутствует южная половина его восточной стены. Размеры помещения $3-5 \times 5,5$ м. На полу помещения найдена зернотерка.

Помещение 4 пристроено с наружной стороны к юго-восточному углу помещения 3. Оно пятиугольной формы; южная и восточная стены его одинарные, сложены из плотно подогнанных плит в два ряда. Помещение сообщается с большим двором и внутренними помещениями узким проходом, выходящим к коридору квадратной комнаты. Длина помещения по диагонали $7,5$ м, ширина 4 м.

Помещение 5 прямоугольной формы, примыкает к северной стороне пятиугольного помещения и расположено с восточной стороны квадратной комнаты. Двойные стены этого помещения как бы замы-

кают площадь, занимаемую большим двором с северо-востока, и упираются в юго-восточный угол Большого дома. Длина помещения 5—6,5 м, ширина 2 м. Стены его глухие, вход не обнаружен.

Пристройка 2 округлой формы, расположена на углу между помещениями 4 и 5; его диаметр 2 м. Собственно, это оградка, выложенная камнем в один ряд. Внутри этой оградки лежала пара больших маралых рогов. Одно из боковых ответвлений рога отрезано ножом.

Хозяйственное помещение 3 пристроено к юго-восточной половине восточной стены Большого дома. Это округлая в плане постройка с двойными стенами и входом, обращенным к двери Большого дома. Диаметр постройки с севера на юг 6,5 м, с запада на восток 5 м.

Таким образом, раскопанные в слое IV строительные конструкции являются остатками пяти жилых помещений, двух хозяйственных построек и одной пристройки, по-видимому, ритуального назначения.

Непосредственно на полу помещений обнаружены обломок бронзового серпа, три зернотерки, мелкие черепки глиняных сосудов, в том числе венчики и плоские донца. К сожалению, эти находки не могут служить критерием датировки зимовки-поселения периода слоя IV, хотя форма и приемы изготовления сосудов и форма зернотерок аналогичны найденным в погребениях и поэтому могут быть привлечены для установления принадлежности слоя IV к усуньской культуре вообще.

При датировке слоя III IV—VI вв. н. э. мы оговаривались, что стратиграфия последовательности залегания слоев сама по себе уже является датирующим признаком, свидетельствующим, что слой, лежащий ниже датированного, относится к более раннему времени, чем дата, установленная для вышележащего слоя, в данном случае раньше IV—VI вв. Тогда возможной датой слоя IV в пределах хронологических рамок, установленных археологическими данными, для усуньской культуры Семиречья должен быть период со II в. до н. э. по III в. н. э., то есть весь период до IV в.

Некоторые находки, обнаруженные в этом слое, не исключают такую раннюю датировку слоя IV. Так, железные ножи с притупленной спинкой и необособленной рукоятью, аналогичные актасскому, встречаются в усуньских погребениях II в. до н. э. — I в. н. э.¹⁸ В погребальных сооружениях Средней Азии и юга Казахстана этого же времени и позже нередко находки так называемых сурьматашей традиционной формы¹⁹, два таких же найдены в слое IV. О ранней дате слоя IV свидетельствуют тупик из челюсти коровы, каменный пест и каменные мотыги.

Однако первые века до н. э. из возможной датировки слоя IV должны быть исключены. Основанием к тому является обнаружение некоторых поздних форм глиняных сосудов, появление которых в столь раннее время представляется невозможным. Это котлы с ручками в виде ушка и котлы крупные с горизонтальными ручками в виде длинных узких полос (тип В). Как уже отмечалось, котлы такого типа характерны для слоя III, датируемого нами IV—VI вв. В слое IV фрагментов таких котлов встречено значительно меньше, чем в слое III. Последнее, по-видимому, свидетельствует о начале их появления в быту

¹⁸ Г. А. Кушаев. Культура усуней..., табл. 2/1—4.

¹⁹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 196, рис. 79/4; С. С. Серовкин. Воркорбазский могильник, стр. 124, табл. У/ж, к; стр. 129, табл. IX/3; Г. А. Кушаев. Культура усуней..., стр. 161, табл. I/II.

где-то в I—III вв. Этим же временем мы считаем возможным датировать слой IV зимовки-поселения Актас-2.

Таким образом, зимовка-поселение Актас-2 была обитаема дважды. В первый раз в I—III вв. н. э., затем она была покинута по какой-то нам неизвестной причине и простояла заброшенной, возможно, несколько десятков лет, сильно разрушилась и ее руины были занесены продуктами разрушения гор и намывами. Это время, по-видимому, равнялось жизни не одного поколения или, по крайней мере, было столь продолжительно, что успело смениться то поколение людей, которые построили жилища слоя IV. Люди, которые пришли на это место позднее, или не знали про лежащие внизу остатки жилищ, или если и знали, то не считали для себя предосудительным устраивать на развалинах погребения. Отсюда можно предполагать, что период необитаемости зимовки-поселения после слоя IV равнялся примерно сотне лет.

Зимовка-поселение периода слоя IV жителями не была покинута внезапно, тем более не была разрушена и разграблена в результате военного нападения, а оставлена обитателями по какой-то иной причине, но в спокойной обстановке. Их уход отсюда не был бегством. Люди успели собрать и увезти всю домашнюю утварь, оставив лишь пришедшую в негодность. Только этим можно объяснить бедность находок, состоявших преимущественно из боя глиняной посуды и остатков кухонных очагов.

Запустение Актаса-2 в I—III вв., а также и других поселений долины р. Кегень, возможно, было связано с переселением более 80 тысяч усуней во главе с Бихуаньчжи — младшим братом малого гуньми Мочжэньцзяна в Канцзюй по политическим соображениям²⁰.

В IV—VI вв. Актас-2 был обжит вторично. Появились каменные строения, остатки которых мы обнаружили в культурном слое III. Строители и жители их не были чужеземными пришельцами, ибо в культурных слоях III и IV установлена явная преемственность, выраженная в идентичности планировки жилищ и техники строительства каменных построек (утепление и укрепление жилищ сооружением двойных стен) и в прямой аналогии форм и типов глиняной посуды (котлы с ручками всех выделенных нами типов, хозяйственные сосуды со сквозными отверстиями и т. д.). Они были если не прямыми потомками жителей Актаса-2 раннего периода, то, безусловно, этнически близкими людьми с родственной культурой.

Судя по основательной разрушенности строений этого горизонта, находкам нескольких целых, но раздавленных сосудов, в том числе в одном из очагов и около другого очага, уход жителей с зимовки-поселения в IV—VI вв., возможно, был связан с нашествием алтайских тюрков в Семиречье в VII—VIII вв.

Находки

Орудия труда. К ним относятся каменные мотыги, зернотерки, пест, бронзовый серп (обломок), костяной тупик, каменные и керамические прясла.

Мотыги 4 шт. Все они обычной формы, часто встречаемой на поселениях первых веков н. э.²¹ Два из них посредине, ближе к верхней (нерабочей) части,

²⁰ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 93—94; Н. Я. Вичурин. Собрание сведений..., т. 11, стр. 198.

²¹ Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 80, рис. 7—8; Н. П. Подушкин. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», вып. 5, стр. 73, табл. 11/32.

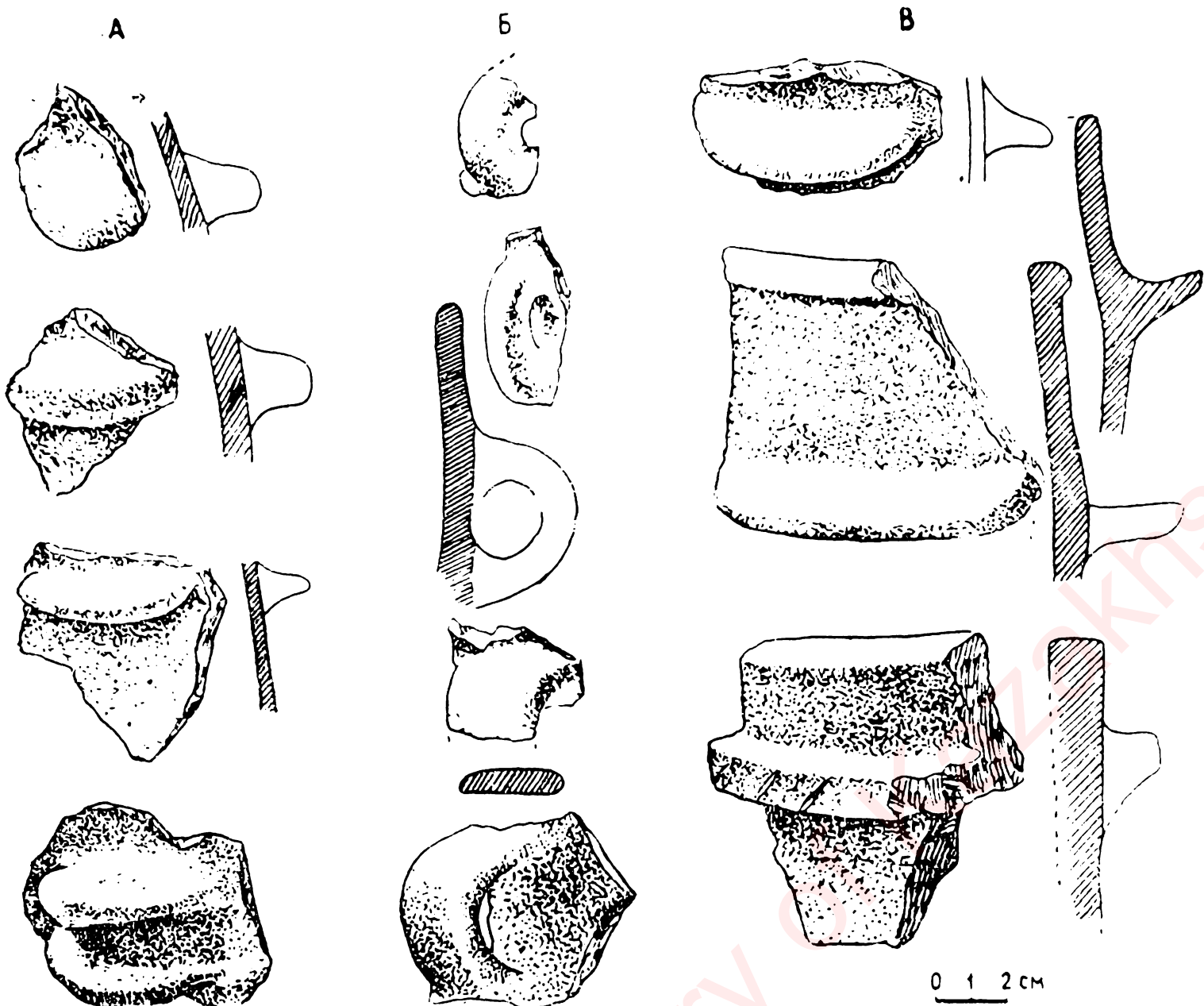

Рис. 4. Типы ручек глиняных сосудов, обнаруженных при раскопке зимовки-поселения Актас-2.

имеют округлые отверстия для укрепления черенка. Длина мотыг 17—18 см. рабочая часть имеет следы изношенности в виде выщерблин.

Зернотерки, 11 целых и 15 обломков от них и от курантов. Все они также обычной, часто встречающейся формы: овальной при малой изношенности и ладьевидной при сильной сработанности. Размеры их разные, но большей частью имеют 30—36 см.

Пест имеет утолщенную рабочую часть и суженную при переходе к рукояти. Длина его 21 см.

Бронзовый серп-обломок от концевой части длиной 9 см. Судя по обломку, серп имел узкую, слабоизогнутую режущую часть и, возможно, штырь для насадки на деревянную или костяную рукоять.

Костяной тупик (трепало) сделан из нижней челюсти коровы; сильно изношен.

Прясла, 6 шт. и несколько заготовок обычной формы. Большая часть из них изготовлена из боковин разбитых глиняных сосудов, несколько штук — из камня.

Оружие. К нему относятся кинжалы и наконечники стрел.

Кинжалы, 2 шт., железные, двулезвийные, штыревые. Подробное описание их приводилось выше при характеристике культурного слоя III.

Наконечники стрел, 2 шт., костяные, черешковые. Один из них плоский, у второго с одной стороны боевой части сделана грань, у обоих перо с одного бока срезано при переходе к черенку. Длина их 8,5 и 7,5 см.

Предметы быта представлены ножами, шилом, точильными камнями, обломками различных костяных поделок неопределенного назначения, бронзовыми гвоздями, железным штырем с рожковидным навершием.

Ножи, 2 шт. Один бронзовый, однолезвийный, штыревой, концы лезвия и штыря обломаны, длина 8 см. Второй — железный, без выделанной рукояти, длина 19 см.

Шило бронзовое, четырехгранное, длина 11 см.

Гвоздь бронзовый, четырехгранный, со шляпкой, длина 8 см (конец обломан).

Поделка костяная, плоская, прямоугольной формы, с четырьмя попарно расположенными отверстиями. По аналогии с этнографией казахов XVIII—XIX вв. мы

считаем, что это поделка является пластинкой — распределителем ниток от примитивного ткацкого станка типа казахского ормек.

Мусаты, точильные камни, 10 шт. разных размеров, без формовки. Все без отверстия. Лишь у одного на конце сделан кольцевой вырез для привязывания ремешка.

Предметы женского туалета. К ним относятся два сурьматаша распространенных форм, один из них с отверстием.

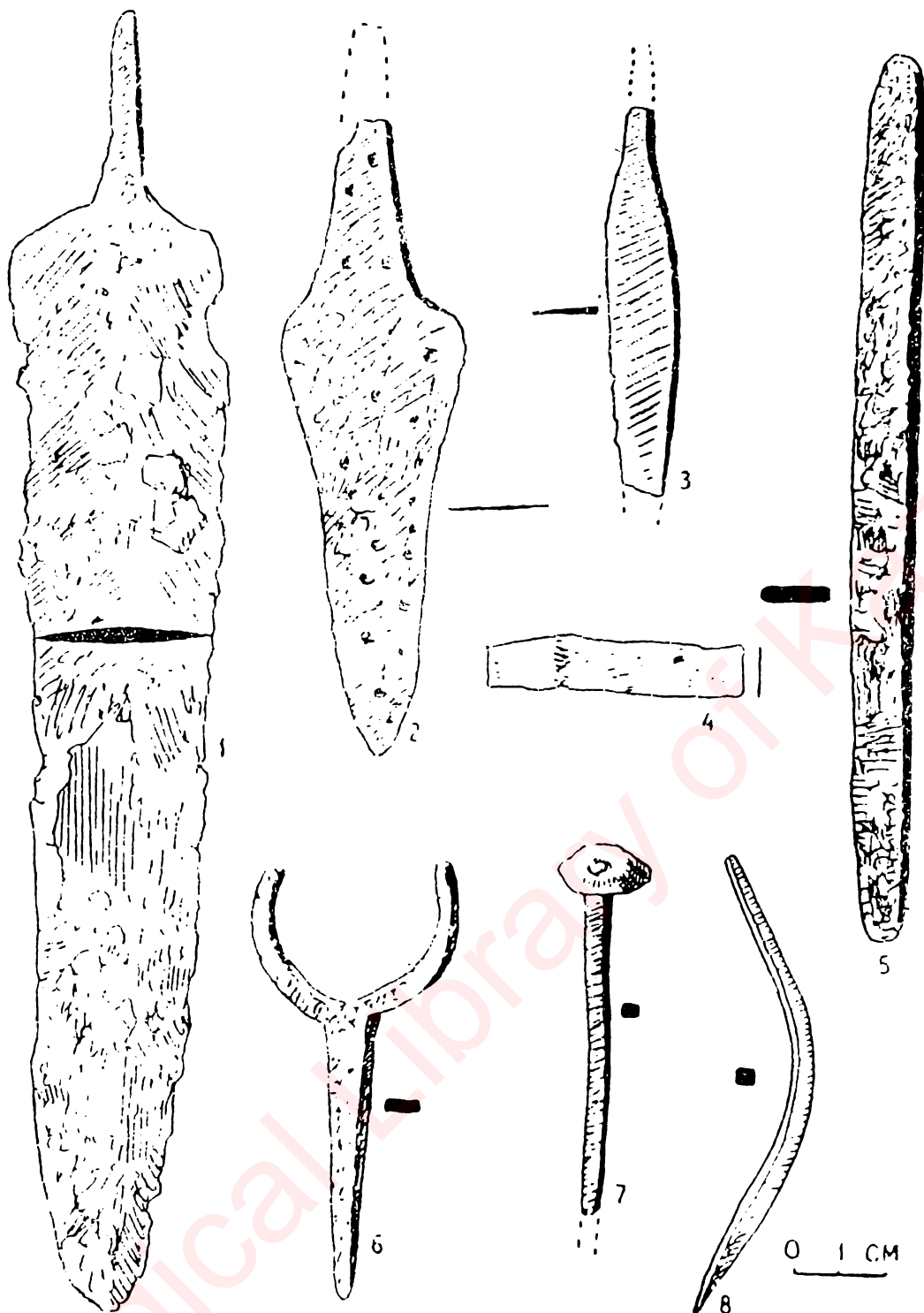

Рис. 5. Изделия из металла, обнаруженные в слоях III—IV зимовки-поселения Актас-2 (3, 4, 7, 8 — бронза, остальное — железо).

Керамическая посуда. Большинство — ручной лепки, лишь некоторые изделия — на круге, на отдельных черепках на внутренней поверхности видны отпечатки ткани. Днища всех сосудов, за исключением котлов, плоские, часто с кольцевидным поддоном, иногда закраина поддона выступает наружу. Внешние и внутренние поверхности стенок сосудов затерты и заглажены, иногда покрыты белесой, розовой и грязно-желтой обмазкой. На двух черепках видны следы раскраски красного цвета. Кроме четырех археологически целых сосудов, о всех остальных можно судить лишь по мелким фрагментам.

Кухонная посуда представлена толстостенными котлами различной вместимости. Большие котлы у венчика имеют горизонтальные ручки типа «ушка» или ручки в виде длинных выступающих полос (тип 3), а котелки — ручки-налепы в виде рожковидного выступа (тип 1).

Хозяйственная посуда представлена горшками с широкой горловиной для хранения нежидких и несыпучих продуктов; горшками с узкой горловиной и со сквозными отверстиями по ней для хранения жидкостей; кувшинами с вертикальными петлевидными ручками (тип 2) для переноски воды и жидких продуктов; большими мисками, некоторые из них по венчику имеют ряд отверстий, что свидетельствует о их назначении для хранения запасов; чайникообразными сосудами с цилиндрическим носиком. Она имеет среднюю величину.

Столовая посуда представлена высокими и низкими кубками с ручками в виде кольцевидной петли или рожковидного выступа. Ручки расположены в большинстве на середине тулова с одного бока, иногда у самого венчика, редко верхний край ручки прикрепляется к закраине венчика.

Почти вся посуда неорнаментирована. Среди множества черепков встречаются куски с незатейливыми рисунками. Это то ногтевые вдавления, то косые вдавления гладкого штампа, иногда «елочка» из таких же вдавлений; в одном случае сочетание «жемчужин» с тычками палочкой, в другом — сотовидный рисунок по тулову, нанесенный затупленной палочкой. На нескольких фрагментах встречены каннелюры, нанесенные на горловину сосуда.

Размеры сосудов не известны, а восстановить их по мелким черепкам не представляется возможным.

Резюме

Мақалада ежелгі үйсіндердің қыстау-мекендері мен тұрғын үйлеріне байланысты кейбір маңызды мәселелер қаралған.
